

ЧУЖЕЗЕМКА

Рассказы о любви

Вадим Кучеренко

12+

Вадим Кучеренко

Чужеземка. Рассказы о любви

«Автор»

2009

Кучеренко В. И.

Чужеземка. Рассказы о любви / В. И. Кучеренко — «Автор», 2009

Гордая красавица, захваченная в плен воинственным кочевым племенем и предназначенная в наложницы вождю; уродливый слепой музыкант; девушка, живущая в одиночестве на необитаемом острове; морской капитан, преодолевающий шторма и бури – все они герои романтических рассказов, доказывающих одну простую истину: без любви жизнь теряет смысл, превращаясь в тягостное существование. В оформлении обложки использован рисунок с сайта rihabau по лицензии СС0.

© Кучеренко В. И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Чужеземка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вадим Кучеренко

Чужеземка. Рассказы о любви

Чужеземка

Раскаленный диск солнца завис над пустыней, роняя тяжелые расплавленные лучи на прах былых тысячелетий. Караван двугорбых верблюдов медленно плыл по отливающим медью песчаным водам. Меж их горбами сидели смуглые воины в белых накидках. Глаза их были полузакрыты в дреме. За последним в караване верблюдом шли, увязая в песке, люди в разорванных одеждах, связанные одной длинной веревкой. Порой они, обессилив, опускались на песок, и тогда их поднимали ударами плетей. Среди них было много женщин. Но плеть не щадила никого.

Один из верблюдов в караване выделялся своим богатым украшением. Попона с золотой вышивкой, накинутая на его горбы, слепила глаза отражением солнечных лучей, подвязанные к шее, позвякивали серебряные колокольчики. Между горбов, укутанная для защиты от солнца в черный хаик, сидела молодая женщина. Кожа ее была белоснежна, а волосы того редко встречающегося в природе пепельного оттенка, который ценится на Востоке ценителями женской красоты превыше золота и пряностей.

Это была чужеземка, захваченная в грабительском набеге кочевого пустынного племени на далекие земли. Везли ее в дар самому могущественному вождю пустыни. Сейчас она тоже была рабыней, как и те несчастные, что плелись за караваном. Но она была рабыней, предназначенной властелину. И еще неизвестно было, что мог своенравно пожелать великий вождь. Она могла стать его любимой наложницей. Поэтому обращались с ней бережно. Ее не били, не заставляли идти пешком, вдоволь поили водой. Это были почти царские почести. Но женщина не могла или не хотела оценить их и безмолвно страдала.

Ее верблюда вел погонщик, почти юноша, который впервые принимал участие в набеге. Лицо его не успели изуродовать сабельные удары и морщины, и выглядел он не таким свирепым, как прочие его соплеменники. В пути он часто оборачивался к женщине, словно безмолвно испрашивая приказа, словом или жестом, но все было напрасно. Чужеземка молчала. Из глаз ее струились слезы, они падали в кувшин с водой, из которого ей давали напиться, и вода казалась ей горькой, а будущее – черным, как те люди, которые окружали ее.

– Зачем ты плачешь? – иногда осмеливался заговорить с ней погонщик. – Ты не знаешь, как велик и богат наш вождь. Ты будешь довольна своей судьбой.

Но только однажды она ответила.

– А ты смог бы быть счастливым в чужой земле и рабом?

Юноша не нашелся, что ответить. И уже ни одного слова в тот день не слышал он от чужеземки.

День за днем шел караван, отмечая свой путь вехами тел мертвых пленников. Долог был переход вглубь пустыни, и это была обычная плата за него. По ночам тишину песков раздирали визг и рычание следовавших за караваном гиен и шакалов, они обгладывали мясо с человеческих костей и дрались друг с другом за лучший кусок. Иногда, не насытившись, звери пытались подобраться к стоянке, где, дождавшись ночной прохлады, пировали черные погонщики верблюдов, но их отпугивали огнем и криками.

Воины ели мясо и пили вино из кожаных бурдюков, а насытившись, били в бубны и пели, издавая гортанные протяжные звуки, схожие с воем гиен, или заставляли плясать рабынь. Кончалось все удовлетворением похоти, пьяной и разнузданной, здесь же, возле костров. И

долго еще после не могли встать вмятые в песок рабыни, а некоторые не вставали уже никогда. Наутро караван уходил, доверив диким зверям позаботиться о мертвых.

Белокожую женщину никто не трогал, и даже не заговаривал с ней. Воины, бесстрашные в бою, страшились гнева великого вождя. Ведь всего одной ночи любви хватило бы, чтобы их головы слетели с плеч, если красавица окажется злопамятной.

Долгими ночами чужеземка сидела у костра, который разжигал и заботливо поддерживал погонщик ее верблюда. Огонь был для нее последним другом в ее жизни – он утешал ее, возвращал в прошлое. Будущего, она знала, у нее нет.

Молодой погонщик подбрасывал засохшие ветки саксаула в огонь и при свете ярко вспыхивающего пламени разглядывал ее лицо, которое женщина, задумавшись, забывала скрывать под накидкой. Никогда еще в своей жизни не видел он таких печальных глаз. Да и откуда? В глаза рабов он не смотрел, на войне убивал без раздумий и сомнений, даже не успевая разглядеть лица своей жертвы и не слушая ее мольбы о пощаде, а искать несчастных среди своих земляков счел бы напрасной тратой времени. Их вождь был могущественнее других предводителей пустынных племен, удача сопутствовала им во всех набегах, у каждого воина было много награбленного добра, верблюдов, жен. Его соплеменники были довольны своей жизнью.

Но почему чужеземка страдала, юноша искренне не понимал. Любая девушка из тех, кого он знал, была бы счастлива честью принадлежать великому вождю. Неужели она опечалена неволей? Но в пустыне не может быть иначе. Сама жизнь здесь зависит от воды. А источниками владеют вожди. И это правильно. Иначе люди пили бы всегда вдоволь и без меры. И скоро все колодцы иссякли бы...

Юноша пытался объяснить все это чужеземке. Она молча слушала его, как слушала и шум ветра, и треск костра. Его слова не могли отвлечь ее от собственных мыслей. Как-то она тихо произнесла, скорее отвечая своим раздумьям, нежели ему:

– Нет на свете ничего дороже свободы. Несчастный юноша, он не понимает этого!

– Мы – свободное племя! – гордо возразил юноша.

Она с удивлением взглянула на него.

– Да, вы свободны в выборе: идти на поклон к вождю, чтобы он пустил вас к колодцу, либо уйти умирать без воды в пустыню. Но из вас еще никто не выбрал смерть. Вы все – рабы!

Юноша в бешенстве вскочил на ноги и едва не вырвал из ножен, висевших на поясе, свой ханджар, тонкий обоюдоострый кинжал. Но только кровь из прокушенной губы стекла по его подбородку, а кровь чужеземки не пролилась в песок. Не страх перед гневом великого вождя удержал его руку, но что – он не знал.

Он ушел прочь от костра, прилег рядом со своим верблюдом, смотрел на темное, усеянное яркими вечными звездами, небо, чувствуя, как постепенно остывает кровь. Разумом он признавал правоту чужеземки. Но прав был и его отец, когда говорил, что человек, не испытывающий трепета перед вождем, уже не может жить в племени. Его изгоняют в пустыню, и он обречен...

В раздумьях и сомнениях прошла ночь. Днем можно было ни о чем не думать, если только о шакалах, которые, насытившись за ночь, неторопливо бежали вслед за караваном, разжиревшие и настолько обнаглевшие, что уже почти не боялись людей.

Однажды на рассвете один из спящих верблюдов вдруг пронзительно и жалобно закричал, вскочил на ноги и тут же беспомощно свалился на бок. Из его раскрытого рта потекла пена. Несколько судорог сотрясли его тело – и все было кончено, он умер.

– Что с ним? – спросила чужеземка у погонщика. Это было впервые, когда она обратилась к нему.

– Змея, – спокойно ответил юноша. – Его укусила Черная мамба.

Почти на сутки шакалы отстали от каравана. А светло-синие глаза чужеземки вдруг потемнели, словно она обдумывала какую-то мысль. И даже тень улыбки промелькнула на ее

губах. Но эта перемена в настроении женщины почему-то не обрадовала погонщика верблюда. Наоборот, он считал это недобрым знаком. И обдумывал его весь день.

И он не удивился, когда той же ночью чужеземка обратилась к нему с просьбой.

– Мне нужна Черная мамба, – сказала она. – Ты сможешь поймать и принести мне ее, живую?

– Зачем? – спросил он, и густой румянец, неразличимый в темноте, обметал его смуглое лицо.

– Ты боишься? – спросила она, глаза ее блеснули презрением.

Юноша негодуяше вскрикнул и убежал от костра в ночь.

Его не было долго. Перед рассветом, когда уже звезды исчезли с побледневшего неба, он пришел. В руке он держал крепко завязанный кожаный хурджин, в котором раньше была вода.

– Здесь Черная мамба, – коротко сказал он.

Глаза чужеземки радостно вспыхнули. Она протянула руку и не попросила, а приказала:

– Дай мне.

Юноша не знал, как ему поступить. Вдруг слезы потекли по его щекам, и, может быть, впервые в жизни, он узнал их соленый вкус.

– Нет, – сказал он.

И чужеземка, сразу сникнув, закрыло лицо хаиком и отвернулась от него. Она села возле догорающего костра. Юноша присел рядом с ней.

– Убей сначала меня, – просто сказал он. И протянул ей свой ханджар.

– Зачем мне твоя жизнь, – безразлично ответила она.

– Я знаю, что ты задумала, – сказал юноша. – Но ведь ты умрешь в неволе, рабыней.

Чужеземка не ответила, словно он перестал существовать для нее и его слова были лишь порывом ветра, развеивающего золу из потухшего костра по пустыне.

– Хочешь умереть свободной? – спросил он после долгого молчания. Ему потребовалось все его мужество, чтобы произнести эти слова.

Чужеземка вздрогнула, только тем и давая понять, что слушает его.

– Ночью мы сбежим, – сказал юноша, и его взгляд затуманился.

– Мы? – переспросила она удивленно.

– Да, – кивнул юноша. – Ты права, я тоже раб. Но я не хочу им быть.

Рассвело, и караван начал оживать. Закричали погонщики, поднялись на ноги верблюды, засвистела плеть, поднимая пленников.

– Когда? – оглянувшись, чтобы убедиться, что их не подслушивают, шепотом спросила чужеземка.

И он еще тише ответил:

– Сегодня.

И увидел ее благодарную улыбку.

Они ушли, когда предутренний, самый крепкий сон сморил даже часовых. Юноша, тихо ступая, вел верблюда, придерживая его за отвислые губы, чтобы тот не вздумал закричать, недовольный тем, что его подняли так рано. Чужеземка сидела между горбов, и в ее глазах отражался свет затухающих костров.

За ночь им предстояло уйти как можно дальше. Они могли скрыться от преследователей, затерявшись в бескрайних песках. Но в любом случае участь их была predetermined. Юный погонщик знал, что пустыня убивает вернее ятагана.

Верблюд, не прибавляя и не убавляя шага, шел до полудня. Уже много часов солнце слепило им глаза и иссушало тело. Но чужеземка за все это время не издала ни звука, ни стога. Когда ему самому стало не вмоготу, юноша отвязал со спины верблюда бурдюк с водой и протянул его чужеземке.

– Пей сам, если ты ослаб, – очнувшись от своих раздумий, с презрением сказала она. – Но не предлагай мне.

Он выхватил свой ханджар и вонзил его в бурдюк. Вода пролилась в песок.

– Теперь ты свободна? – спросил он.

– Еще нет, – ответила она. – Но уже скоро.

– Неужели в твоём понимании свобода – это смерть? – настаивал он.

– Нет, – прошептала она. – Свобода – это жизнь, в которой ты волен поступать, как считаешь нужным, не спрашивая ни у кого позволения.

– Значит, мы свободны сейчас, – подумав над ее ответом, сказал юноша. – Мы сами выбрали свою смерть.

– Нет, – улыбнулась она печально. – Это смерть выбрала нас.

– Зачем же тогда..?

Юноша не договорил, но она поняла его и ответила:

– Позор горше смерти.

Закрыв лицо хаиком, она повелительным жестом приказала ему продолжить путь. Он пошел впереди верблюда, ведя его в поводу, и каждый новый бархан казался ему выше предыдущего.

Когда солнце, обессилев светить, упало за горизонт, верблюд отказался идти дальше, требуя отдыха. Он лег на песок, и сколько его ни пытался поднять юноша, только протестующе и жалобно кричал в отчет. Без верблюда в пустыне далеко не уйдешь, это понимала даже чужеземка, им поневоле пришлось дожидаться утра. Костра они не развели, огонь далеко виден в пустыне. Они легли, согреваясь о теплые бока верблюда. Каждый думал о сокровенном. Чужеземка – о своей далекой земле, юноша – о ней.

Едва взошло солнце, ночной холод сменила жара, которую усиливала нестерпимая жажда. Сухие губы потрескались и кровоточили, боль вызывало малейшее прикосновение к ним. Распухший шершавый язык, непроизвольно пытаясь смочить губы несуществующей влагой, приносил только новые страдания. За глоток воды для чужеземки юноша сейчас мог бы отдать все сокровища мира. И даже свой ханджар. Но он знал, что женщина с презрением отвергла бы его дар. Ее мужество придавало сил и ему.

Верблюд медленно взошел на вершину очередного бархана, когда чужеземка вдруг засмеялась и захлопала в ладоши.

– Сады! Сады! – закричала она хрипло. – Мы дошли!

Погонщик замер, верблюд остановился, и женщина, не удержавшись на его горбах, соскользнула на песок. Глаза ее опустели.

Юноша оглянулся кругом, но не увидел ничего, кроме пустыни. Мерцающий в знойной дымке песок сливался вдаль с бесцветным небом, таким же пустым и безжизненным.

Он опустился рядом с чужеземкой и положил ее голову на свои колени. С тоской смотрел в ее незрячие глаза и знал, что если женщину сейчас не напоить, она умрет. И он останется один.

Юноша бережно опустил ее голову на песок, встал, подошел к верблуду. Тот всегда понимал хозяина без слов и сейчас, казалось, сам подставлял свою шею, в последний раз целуя его в плечо отвислыми губами.

Ханджар беззвучно вошел в его горло. Алый фонтан крови брызнул в небо и оросил пустыню. Юноша подставил под рану ладони. Его слезы смешивались с кровью и редкими крупными каплями падали на песок.

Горячая густая жидкость потекла в приоткрытые губы чужеземки, растекалась по ее лицу, шее. Женщина сделала непроизвольный глоток, ее глаза открылись, в них затеплилась жизнь. Миг – и она все поняла. Оттолкнула его руки и с ненавистью крикнула:

– Зачем? – И уже тише, почти шепотом: – Ты предал меня!

Юноша вскрикнул и закрыл свое лицо окровавленными руками, чтобы не видеть ее ненавидящий взгляд. Чужеземка встала и пошла, не оглядываясь. Он смотрел ей вслед, ждал призыва. Но она уходила все дальше, и не звала его за собой.

Мертвый верблюд неподвижно лежал на песке. Все более скупыми и редкими толчками кровь выплескивалась из его раны, но никак не могла утолить жажду пустыни. Юноша вынул свой ханджар из горла верблюда и приставил к собственной шее. Ощутил прикосновение стали к коже и вдруг испытал облегчение. Одним ударом он мог разрешить все противоречия своей жизни и снова обрести покой. В последний раз он взглянул вслед чужеземке. Она лежала неподвижно на песке шагах в десяти.

Юноша, забыв о своем намерении, вскочил на ноги и подбежал к ней. Нагнулся над женщиной – и отпрянул. Из ее широко раскрытых невидящих глаз бежали слезы, оставляя след на покрытых пылью щеках, губы шептали какие-то слова на незнакомом ему языке. Он присел рядом и смотрел в ее глаза, словно пытаясь прочесть в них нечто, важное для себя. Но они были устремлены в небо, и все, что было в них земного, уже исчезло из них.

А пустыня, до этого безжизненно простиравшаяся вокруг, вдруг ожила, и где-то у самого ее края замерцали черные точки. Это были всадники. Они приближались.

Когда юноша заметил их, чужеземка еще дышала. Он поднял было ханджар, но тут же отбросил его. Снял с пояса кожаный мешок и начал развязывать узел негнушимися пальцами. Изнутри послышалось злобное шипение голодной змеи.

Крохотная блестящая змейка выползла из развязанной горловины хурджина на песок. Она коснулась неподвижной, но еще теплой руки и мгновенно обвилась вокруг нее красивым цветным браслетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.